DOI: 10.17976/jpps/2014.03.02

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ “ФИЛОСОФИИ ГРАНИЦЫ” В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ – ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ ИЛИ “ПОСТСУВЕРЕНИЗАЦИЯ”?

М.В. Силантьева

Аннотация. Статья посвящена анализу новых принципов “философии границы” – активизировавшегося на уровне общественного сознания рефлексивного освоения происходящих социально-антропологических, социально-политических и социокультурных изменений, характеризующих современность и выразившихся в феноменах, раскрываемых различными вариантами концепций “постистории”. Теории “гибели национальных государств”, “зон проблемной государственности”, “десуверенизации”, “золотого миллиарда” и т.д. в этом смысле стоят в одном ряду, подвергая детальному рассмотрению новый – “глобальный” – “общественный формат”, изучая его основные тенденции и перспективы. Статья является развернутым изложением доклада, представленного автором на международной конференции “Глобализация и десуверенизация” (Косовска-Митровица, сентябрь 2013 г.).

Ключевые слова: глобализация, десуверенизация, “постистория”, “философия границы”, постсуверенизация, смысловые доминанты политических процессов.

Понятие десуверенизации сегодня – едва ли не самое популярное в научной среде обозначение процесса, в котором невольно участвует большинство населения Евразии. Десуверенизация применительно к этому региону обычно – еще со времен П. Бурдье – трактуется как следствие глобализации, влекущее разложение “власти суверена”, “способного отвечать за себя” (и поэтому отвечать “за народ” на вверенной ему территории) [ср.: Ремизов 2008], т.е. ее рассмотрение обычно ограничивается политическими и социально-экономическими реалиями, что, несомненно, имеет огромный исследовательский и прикладной потенциал, так как помогает лучше описать происходящие процессы, вникнуть в их специфику в различных “локусах” культуры и тем самым обеспечить возможность направленного влияния на динамику происходящего.

Вместе с тем, ресурс “описательной аналитики”, как можно было бы обозначить сегодня исследования политологии, социологии, экономики и права – как и любой научной ресурс – не безграничен. Примечательна при этом “дорефлективная” востребованность философской аналитики (в том числе в политологическом дискурсе), – достаточно вспомнить работы С. Хантингтона и П. Бурдье. Выделенный ими “метафизический аспект” вырождения современных европейских государств в “государства-корпорации” со всесилием администрации, лишенной ответственности за вверенное ее попечению население и не дотягивающих до “суперсуверенитета” имперского типа при “уменьшении” суверенитетов каждого из членов ЕС (их суверенитет

СИЛАНТЬЕВА Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии МГИМО (У) МИД России. Для связи с автором: silvari@mail.ru

"теряется где-то по дороге") привлекает внимание и в наши дни [Ремизов 2009; Кокошин 2003: 3-6; Багдасарян 2013; Бочкова 2011: 74-88 и др.].

Отметим также, что стремление дать системную картину современного политического процесса сквозь призму философии культуры, получившее развитие в трудах отечественных и зарубежных авторов, при всей критике в адрес "неразвитости теории" данного вопроса [Алексеева 2012] позволяет соединить в поле комплексного в*и*дения разноплановые, но всякий раз по-своему значимые данные. Их интегрирование в "работающую" прикладную гипотезу дает возможность преодолеть "существующие слабости" через системный анализ методологических "призм" различных дисциплин и "междисциплинарный синтез" "международных исследований, сравнительной политологии, регионоведения/страноведения и нормативной политической теории" [Современные... 2013: 36]. Характерно, что ссылка на это рассуждение, сформулированное от лица крупнейших теоретиков в области международных отношений – а именно академика А.В. Торкунова, А.В. Мальгина и других членов авторского коллектива издания "Современные международные отношения", – приводится в цитированной выше критической статье такого видного российского эксперта политического процесса, как профессор Т.А. Алексеева. Несомненно, именно критический подход к проблеме "культурологизации" многих специальных социальных дисциплин, включая политологию, становится сегодня толчком для развития искомой теории: всякая "комплексность" несет в себе риски размывания предмета исследования; и вместе с тем, объемное понимание происходящего в системе научного знания без "комплексности" обойтись не может.

Интересный опыт создания действующей модели политического процесса в свете проблемы десуверенизации – с применением такого комплексного подхода (как раз соединяющего политологию, социологию, антропологию, этнопсихологию и философию культуры) – имел место на земле Косово и Метохии в сентябре 2013 г., в рамках конференции "Глобализация и десуверенизация". Вероятно, данный регион более, чем какой-либо другой, может претендовать на "органическое" знание проблем, связанных с болезненными последствиями распада "старой" государственности и создания "новой". Десуверенизация известна здесь не понаслышке, поэтому не удивительно, что сотрудничество специалистов Университета Приштины (Косовска-Митровица) с коллегами из других регионов и стран идет здесь уже не первый год.

Среди организаторов конференции – Социологическое общество Сербии, факультет сравнительного права Белградского университета и философский факультет Приштинского университета. В числе руководителей Программного комитета данного научного мероприятия, наряду с докторами из Белградского (Сербия) и Уппсальского (Швеция) университетов, а также университетов г. Ниш (Сербия) и г. Гранада (Испания), – профессор МГИМО (У) МИД России В.С. Глаголев.

Спектр мнений, представленных докладчиками, был чрезвычайно широк, – от признания глобализации исключительно идеологией "американского насилия" (по типу известного анекдота: "У вас еще нету демократии? Тогда мы летим к вам!") до трезвого понимания объективности этого явления, имеющего, как выразилась профессор Белградского университета г-жа Милица Матиевич [Матијвич 2013: 92-94], "объективно-субъективный характер". Объективный – потому что данный процесс, хотим мы того или не хотим,

представляет собой очевидную реальность нашей жизни. Субъективный – в силу не менее очевидной зависимости от направленности политической воли его участников, включая "национальную компрадорскую буржуазию". Специфические изменения в области права, связанные с глобализацией, отмечались в выступлении профессора Йована Чирича [Чирич 2013: 164-167] из Белградского института сравнительного права. Профессор Зоран Видоевич [Видоевич 2013: 23-26] из Белградского института общественных наук развивал как никогда актуальную сегодня мысль, высказанную в свое время П. Бурдье, о стирании границ личного суверенитета – процессе, параллельном ослаблению политического суверенитета в "глобальном обществе".

Докладчики были единодушны по вопросу о том, что "хоронить" национальные государства пока что рано, несмотря на то, что их организационные формы претерпевают на наших глазах существенные изменения. Для маленькой Сербии подобные изменения ассоциируются со стремлением "Большого Брата" (так здесь величают стратегов из Белого дома и Брюсселя) продолжить процесс дробления бывшей Югославии, чтобы затем вовлечь сравнительно небольшие, и потому политически слабые, страны в орбиту своей внешней политики на Балканах. Но, как выразился известный сербский социолог профессор Л. Митрович из Ниша [Митрович 2013: 109-110], "кто владеет Сербией – владеет Балканами". И потому интерес Евросоюза к сербской "державности", вероятно, не будет ослабевать даже в свете проблемы Косово. По всей вероятности, именно самопровозглашенной республике, а не Сербии, первой предложат войти в состав ЕС – несмотря на то, что не над многими селениями на Косовом поле развивается албанский флаг.

Подобные парадоксы имеют не только трагические, но и абсурдные (а то и просто смешные) стороны. Так, сегодня в Сербии активно дискутируется вопрос об "иммунном конфликте" традиционных национальных ценностей и теории "прав человека", как их понимают в ЕС. Например, сербам предлагается отказаться от мяса ягнят и поросят, потребление которого традиционно для славянских культур, потому что в этом случае: 1) нарушаются права животных; 2) нарушаются права детей... Но, как шутят сербы, "у свиньи не спросишь, согласна ли она отдать своего поросенка к хозяйскому столу"...

Рассмотрение связи глобализации и десуверенизации с точки зрения комплексного культурологического подхода позволило автору данной статьи предложить вниманию участников конференции свою "версию событий" и, основываясь на определенной "культурологической аксиоматике", сформулировать ряд уточнений и предположений в такой специфической области, как политология.

1. Глобализация представляет собой сложное многоуровневое явление, циклически воспроизводимое на протяжении известной истории человечества.

2. Современная глобализация имеет два взаимосвязанных аспекта:

– "объективный", т.е. сам процесс, имеющий место "независимо от воли и сознания" вовлеченных в него людей;

– "субъективный" – волевые действия и идеологические спекуляции (ценностное принятие либо непринятие; содействие либо противодействие) на тему глобализации как со стороны ее "сторонников", так и со стороны ее "противников".

3. Оценки глобализации колеблются в широком спектре региональных "привязок" и отношений к ним. Это, с одной стороны, – "вестернизация", различные версии альтернативной глобализации ("азиатская глобализация", "пантюркизм", "панмонголизм" и т.д., и даже развитие кришнаизма в сторону мировой религии), которые воспринимаются, соответственно, как со знаком "плюс", так и со знаком "минус". С другой стороны, существует своеобразный тренд глобального противодействия глобализации ("антиглобалисты"). Его представители воспринимают сам процесс глобализации исключительно в его "субъективном" (волевом) ракурсе, стремясь заблокировать наиболее одиозные проявления последнего.

4. Оценки глобальных процессов могут иметь либо региональное "измерение", либо претензию на статус "нейтрально-общечеловеческого", и в этом смысле "глобального" ракурса интерпретации, формулируемого на основании синтеза (либо комбинации) существующих представлений об "общечеловеческом". То есть оценки могут быть привязаны только к конкретной "системе координат", принятой в той или иной культуре (культурах) – избрана ли она "точкой отсчета" для всего человечества (глобальная шкала оценок), либо признается приемлемой только для "внутреннего пользования" ("регионально-культурная").

При этом проекция "монокультурного" подхода на "общечеловеческую модель" создает "центризмы" разного рода. Самый "популярный" из них сегодня – "евроцентризм"; однако есть и другие формы (теория "негритюда"; "атлантизм"; "панславизм" в форме идеи "альтернативной Русской цивилизации" и т.д.). В случае же "культурного синтеза" нескольких точек зрения возникают проекты "телесности" (и шире – "антропологизма"), когнитивизма и др. "констант", якобы "дистиллированных" из разнообразия культур и являющих собой "правильную" – по-настоящему "нейтральную" – шкалу оценки.

5. Глобализационные процессы, протекающие сегодня в Евразии, точнее могут быть охарактеризованы с помощью понятия *постсуверенизация*, поскольку, *наряду с распадом* существовавших ранее национально-государственных образований *макроуровня* ("старые" империи – Австро-Венгрия, Британия, Россия – включая советский период СССР, и т.д.) и *среднего уровня* (рост сепаратизма "внутри" более "мелких" интегративных единиц – их "регионализация", примером чего могут служить распад СССР, а также процессы в Испании – "Страна басков", Галисия и Каталония [Белова 2004: 145-178]; Великобритании – Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс; в Бельгии) [Терещенков 2008] *наблюдается тенденция формирования новых интегративных единиц* (*макроуровня*: ЕС, активно формирующееся пантюркистское содружество на территории Евразии, прокитайски ориентированные регионы Сибири, Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии др.; *среднего уровня*: государства Балкан – Сербия, Македония, Босния и т.д.), претендующих на территориальную целостность и независимость в проведении самостоятельной политики. Процессы регионализации "внутри" указанных образований позволяют предположить, что истоки разложения "классической" – суверенной – государственности несколько сложнее, чем это видится, в частности, российскому политологу М.В. Ремизову: "параимперскость" и "параизоляционизм" – две стороны единого маятникового процесса, "раскачивающего качели" жизни культурных организмов по типу

"отталкивания – притяжения" (как известно, в природе эти силы сопряжены друг с другом; хотя, как заметил еще античный философ Эмпедокл, они способны поочередно побеждать и вытеснять одна другую).

При всей одиозности приставки "пост-", ставшей в наше время едва ли не самым излюбленным приемом образования научных и околонаучных неологизмов, – думается, она в данном случае уместна [ср.: Харкевич 2012:126-127]. "Постсуверенизация" – это не только минимизация реальных суверенитетов; это и нарастание самостоятельной силы у прежде "незаметных" социальных организмов, готовящихся выйти с микросоциального уровня действия (группы, организации и т.д.) на макросоциальный (в данном случае – государственный). Идея тотального разложения "классического" – новоевропейского – типа государственности и *полной* его замены в лучшем случае новым (административно-корпоративным; неофеодально- или неорабски-клановым и пр.) типом не выдерживает критики. Разложение идет, но о *полной гибели* "национальных государств" говорить рано. Возможно, в этой сфере происходит банальное обновление системы – новые жизнеспособные социокультурные организмы приходят на смену отжившим или выродившимся.

6. Условием объединения новых интегрирующихся в рамках "постсуверенизации" процессов является кристаллизация (отчасти стихийная, отчасти – нет) *нового понимания "принципа границы"*. Этот принцип характеризуется:

– сквозной диффузностью;

– как следствие, тяготением к различным комбинациям идентификационных показателей, привлекаемых для обоснования необходимости интегрирования новых типов социальных организмов в отдельное самостоятельное целое;

– в результате – "выпадением" классического "принципа границы" (или системы бинарных оппозиций) из фактического "оборота" духовных ценностей и заменой его на до конца "неразложимый" маркер "гражданской идентичности" или "социокультурной идентификации" [Силантьева 2012а:173-179].

Отсюда:

– высокая степень произвольности и "перформенсности"[1] в реализации реальных общественно значимых целей и задач;

– глубокая эмоциональная вовлеченность контрагентов "постсуверенизации" в процесс "*выбора* базовых ценностей" (как традиционных – ислам в Европе, так и модернизированных – моральные, религиозные и эстетические ценности "посткультуры" западных стран, включая пересмотр норм брачного права, основ детско-родительских отношений и т.д. – на уровне биологии и права) – "новый аксиологизм", связываемый специалистами с "перепроизводством свободы";

– индифферентность основной массы населения к "логосной" составляющей культуры (падение престижа образования) на фоне тяготения к комфорту;

[1] В современной философии, как известно, активно обсуждается идея Ги Дебора об "обществе спектакля", где многие социально значимые действия осуществляются согласно заранее составленному сценарию, рассчитанному не столько на реализацию непосредственно декларируемых задач, сколько на "эффект волны" в массовом сознании.

– политизация религии (трактуемой идеологами как основная – наиболее интимная – аксиологическая составляющая культуры) в странах, тяготеющих к изменению типа своей социально-политической организации – риски потенциального распада (Россия)[2] – или, напротив, объединения (Турция);

– активизация "антропологической религиозности" как формы скрепления социальных связей на уровне родовой и клановой общины – ставшей "новой" (в отличие от семьи) "ячейкой социальности" современного "постсуверенного" политического пространства;

– возникновение явления "неорабства" или "неофеодализма" – структурной эрозии личностного принципа при социальном взаимодействии, положенного некогда в основу идеи национального государства и системы взаимодействия таких государств. Как следствие, клановые способы организации социальной активности выдвигают принцип коллективного (группового) распределения и перераспределения по образцу кланового механизма. Фактором, скрепляющим социальное взаимодействие, становится принцип кровного родства и разного рода "инициаций", позволяющих присоединиться к клану – "куначество" как отношение "побратимства" (связанное, как правило, со спасением жизни кого-то из членов клана или оказания иной сверхважной услуги), брачные отношения (в случае, если их одобрил клан). Существуют и "обратные" по отношению к инициации механизмы "изгнания" из клана. Ни инициацию, ни изгнание не следует путать с разного рода формами "бакшиша" (взятки-подарка, как она называется в тюркских языках), – когда "нужному" человеку всячески демонстрируются признаки его "нужности" (подкуп, включая коррупционный; "декоративные" брачные отношения; имитация горячих дружеских чувств и т.д.), однако на деле такой человек лишь используется кланом для достижения своих целей и остается для него "чужим". В случае необходимости от него избавляются (вплоть до крайних мер, – если он знает слишком много или ведет себя "неадекватно) – без всяких сожалений, поскольку с точки зрения кланового сознания люди вне системы их социального организма ("своих") являются "чужими" и в этом смысле "не вполне людьми" (следствие неразвитости "принципа личности" на уровне массового сознания).

Итак, изменение ряда фундаментальных характеристик современного общества в рамках процесса "постсуверенизации" требует многоаспектного рассмотрения. Анализ философского уровня при этом позволяет проследить сущностные особенности происходящего. Поэтому ряд понятий, хорошо "проработанных" различными направлениями научного знания (включая социологию, экономику, право, политическую мысль и т.д.), нуждаются в философском (а возможно, и философско-культурном) обсуждении, дающем науке об обществе возможность сформулировать "свежие" подходы к новым явлениям, требующим осмысления и реагирования [Силантьева 2012б: 203-206]. Среди таких понятий – "глобализация", "десуверенизация", "национальное государство", "социокультурные идентификаторы нового поколения".

Начнем с понятия *"глобализация"*, взятого в контексте философского подхода к феномену "постсуверенизации".

[2] Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. 2013. – *Независимая газета*, 04.06. Доступ: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/9_map.html (проверено 20.08.2013).

Предварительно выделим ряд методологических замечаний. В частности, следует иметь в виду, что, как и всякая оценка, оценка глобализма не свободна от лакун и парадоксов. Как уже отмечалось, "глобальная" шкала, как правило, страдает европоцентризмом (или "атлантизмом"), что дает пищу для справедливых упреков ее сторонников в подтасовке фактов, когда в качестве всеобщего выступает частное, выдавая себя за в полной мере всеобщее. С другой стороны, последовательное проведение "регионально-культурной" позиции приводит к "парадоксу плюрализма", при котором размывается основание оценки как таковой. Например, в качестве основания оценки "казуса Винни Мандела"[3] как преступления лежит свойственная "цивилизованному" (т.е. воспринявшему европейские стандарты требований морали и права) человечеству норма "не убий" (а тем более не ешь убитого). Вместе с тем, этнокультурной ценностью сакрального типа у целого ряда народов и по сей день является ритуальное убийство в далеко не символической форме. Восходящие к архаике, подобные практики на деле не трансформировались на уровне синкретического мифолого-религиозного сознания этих народов в символические действия (некоторые разновидности Цама у монгольских народов; практика "лесных" папуасов Новой Гвинеи – в отличие от "цивилизовавшихся" под жестким давлением французской администрации "береговых"; специфика поведения некоторых африканских и южно-американских племен и т.д.). Требовать от культур, в которых поедают младенцев с целью получения жизненной энергии и продления жизни, "уважительного отношения" к европейскому стандарту морали – так же нелепо, как и утверждать, что формулировка современных концепций "прав человека" и "правового государства" не восходит к позиции европоцентризма.

Десуверенизация в свете глобализма также отличается рядом признаков. При этом отчетливые проявления и внятную перспективу десуверенизация получила именно в Европе; хотя можно говорить о ее евразийских проявлениях.

Контуры тех "новообразований", которые появляются в ходе "глобализационной десуверинизации" в Европе, в свою очередь, формируются под давлением как стихийных факторов, так и политической воли конкретных акторов данного процесса, определяемой их целеполаганием (имеющим, по понятным причинам, многоуровневые источники происхождения).

Политический сценарий десуверенизации, разыгрываемый в целом в Евразии и локально – на Балканах, может оцениваться под разным углом зрения и, соответственно, получать те или иные интерпретации.

Первая позиция здесь связана с установкой исследователей на поиск *субъективно* заинтересованной в дестабилизации положения структуры – "руки" (лица, группы влиятельных лиц – по типу ТНК или Римского клуба, тех или иных стран и народов – например, США [Алексеева 2008: 36-47] и их союзников и т.п.). Стоит отметить, что версии, прорабатывающие данную позицию, отличаются разнообразием и занимают довольно широкий спектр оценок – от

[3] Речь идет о шокирующих фактах ритуального и медицинского каннибализма, тиражированных прессой 1990-е годы в связи с именем этой представительницы африканской политической элиты. Современные источники в соответствии с принятыми в ЮАР судебными решениями опровергают факт участия Винни Мандела в "омолаживающих процедурах" путем поедания мяса новорожденных младенцев; однако термин "казус Винни Мандела" присутствует в литературе как эвфемизм каннибализма по сей день.

полуфантастических *конспирологических* (“Некто”, подобно “Доктору Зло”, сознательно разрушает существующие политические организмы, извлекая из этого экономическую, политическую, финансовую, демографическую, психологическую и другую прибыль) – до вполне *реалистических* констатаций заинтересованности конкретных структур в дестабилизации существующей системы и ее последующего изменения в определенном направлении.

Говоря о конспирологических оценках, следует избегать как слепого доверия к ним на волне разнообразных массовых социальных фобий, провоцируемых социально-экономическими трудностями, политическими перераспределениями, радикальным “сдвигом” и трансформациями существовавших ранее социокультурных доминант (“ценностный кризис”, “социокультурные мутации” [Lumsden, Wilson 1981: 8-9; Ламсден, Гушурст 1991: 23-34] и т.д.), – так и однозначного игнорирования данного подхода. Разумеется, оформившиеся в одну из глобальных проблем современности миграционные потоки способны, наряду с серьезными проблемами, принести с собой параноидальные тенденции в психологии масс и отдельных личностей. Отличать такие проявления от *самих проблем*, связанных с миграцией (в том числе и с точки зрения ее влияния на жизнеспособность существующих политических организмов) совершенно необходимо. Здесь политкорректная риторика должна “знать свое место” по отношению к экспертизе и научной аналитике любого профиля – социологической, политической, экономической, культурологической и др. Равно как необходимо разделять риторические “нравственные константы” и реальную политику: еще Никколо Макиавелли показал, что требование соединить в “одном флаконе” практические решения и действия чревато гибелью тех социально-политических систем, которые уже в XV-XVI вв. представляли собой основные контуры существующих сегодня национальных государств. Ни одно государство, взявшее на вооружение политику “наивных гимназисток”, не выдержало проверку временем[4]. Наличие адекватных структур защиты национальных интересов и национальной безопасности – существенный признак любого устойчивого социального организма, необязательно в форме новоевропейского национального государства, соответствующего Вестфальской системе международных отношений. Вопрос сегодня – не в том, чтобы “взломать коды” секретных программ, обеспечивающих национальную безопасность тех или иных государств, и “сверить” соответствие таких программ абстрактным нормам права и морали; а в том, чтобы выработать эффективные механизмы регулирования их использования, не подрывающие интересы собственной страны и ее граждан, а также минимизирующие ущерб от их применения по отношению к другим странам. Предельная абстрактность подобной формулировки связана, помимо прочего, с тем, что ни одна страна не застрахована от стремления других стран к разложению целостности конкурирующих социальных организмов с помощью различных приемов и методов. Дело здесь – не в нравственных оценках по типу “те хорошие, потому что с нами дружат; а эти – плохие, они нам мешают”. Содружества стран и народов могут выполнять весьма неоднозначную роль в истории (как

[4] Характерный пример – Испания, где, при наличии “вековой традиции” присутствия мусульман, весьма либеральные и толерантные документы, принятые под воздействием Исламской комиссии (орган мусульман, проживающих на территории этой страны еще со времен франкистского режима), по мнению специалистов, во многом “остаются на бумаге”. См. [Хенкин 2013].

показал пакт Молотова – Риббентропа); а борцы-одиночки – реализовывать вполне объективные шаги по укреплению стабильности и развития.

Глобализация сдвинула сложившийся баланс сил на международной арене; вместе с тем, она не отменила шанс на эволюционное развитие этого баланса в сторону установления более прочного добрососедства на основе принципа мирного сосуществования. Другое дело, что сама специфика современного вооружения, обеспечивающего такое сосуществование, заставила экспертов – ученых и политиков – еще в 1950-е годы выступить с инициативами Пагоушского движения. "Критическая масса" крайне опасного оружия, неконтролируемого или слабо контролируемого (как минимум, в процессе естественного разложения или утилизации), сама по себе создает угрозу безопасности планетарного (глобального) масштаба.

В наши дни тезисы, призывающие к разоружению по средствам массового поражения (бактериологического, химического, ядерного, климатического оружия), пересмотрены в концепции ПРО. Но отменить "логику ядерного века" эта новая концепция не в состоянии. Тем более что "критическая масса" любого вооружения (включая обычные) в современном мире заставляет опасаться, что при накопленном его объеме "детонация" неизбежна, а последствия ее, к сожалению, хорошо предсказуемы.

Таким образом, манипуляции объемами и распределением существующих вооружений, разработка новых "систем безопасности" и прочая активность подобного рода "на флангах" самозащиты – суровая реальность, неизбежность которой следует учитывать при обращении к аналитике, связанной с политикой "глобальной десуверенизации" и ее последствий (Иран, КНДР и др.). Версия оценок, предлагающая *прагматический реализм* при уяснении сущности и формы заинтересованности тех или иных лиц в "развале" системы национальных государств, основана на *презумпции реализма*. И она заставляет аналитиков последовательно выяснять, кто и почему заинтересован или может быть заинтересован в данном процессе.

Отсюда – вполне закономерный вопрос: кому может быть выгодна дестабилизация ситуации в Европе? Какие силы могут стоять за организационными усилиями в поддержку десуверенизации?

Отвечая на поставленный вопрос, следует иметь в виду, что существуют два различных "поля", каждое из которых в состоянии самостоятельно продуцировать шаги в обозначенном направлении. При этом не исключены и их взаимные поддержка и дополнение. Первое поле – внешнее, не относящееся прямо к европейскому пространству в сложившемся на сегодня виде. Причем мотивы деструктивного внешнего влияния на сложившуюся систему международных отношений, основанную на принципе суверенитета[5] – независимости и территориальной целостности национальных государств – могут быть и сознательно разрушительными, и вытекающими из желания "модернизировать" саму существующую систему или отдельные ее аспекты. К сознательным "разрушителям" гипотетически могут быть причислены любые силы, связанные с так наз. *международным терроризмом* – понятие достаточно расплывчатое, и вместе с тем дающее определенное направление поиска. Сюда можно от-

[5] "Суверенитет". – *Яндекс. Словари. Конституционное право РФ*. Доступ: http://slovari.yandex.ru/ ~книги/Конституционное%20право%20РФ/Государственный%20суверенитет/ (проверено 20.08.2013).

нести, прежде всего, различные организации (как подпольные, так и вполне легальные на территориях некоторых государств), поставившие целью своей деятельности "пересмотр карты мира" под лозунгами национализма, религиозной нетерпимости и леворадикальных – включая крайне лево-коммунистические – идей. Разного рода "всемирные халифаты" ислама, требующие восстановления "великих империй прошлого" (включая Оттоманскую империю, Золотую Орду и пр.); новые национально-территориальные объединения (Курдистан или Великая Албания) – все эти геополитические проекты имеют не только теоретических сторонников, но также и активных "бойцов", готовых нередко пожертвовать жизнью за воплощение своих идеалов.

Балканы, и в частности, территория бывшей СФРЮ, может под определенным углом зрения рассматриваться как форпост ислама на геополитическом и территориальном пути в Европу (идея "зеленого пути"). Фактически остановленное в военных столкновениях к 1683 г., после сражения под Веной [Фаллачи 2013], продвижение ислама в Европу сегодня осуществляется мирным путем – через эмиграцию и торговлю, а также путем геополитики, связанной с насилием и обманом ("феномен Косово"). Стоит подчеркнуть, что ситуация в этом месте – при всей разнице подходов к оценке самого "феномена" – отличается высокой криминогенностью. Косово является местом высокой концентрации разного рода негативных социальных процессов и деструктивных социальных практик.

Позицию "борцов" за "дивный новый мир" можно понять – "конкуренция" и "видовая борьба" в масштабах планеты имела место задолго до современного этапа нынешней (далеко не первой, и, возможно, не последней) глобализации. "Выживали сильнейшие"; и эта позиция, относящаяся вовсе не к социал-дарвинизму, а ко вполне принимаемой современным научным сообществом точке зрения Н.Я. Данилевского [Данилевский 2002: 230-267], не должна отрицаться только из соображений морализаторства или политкорректности.

Описанная выше группа "разрушителей" не имеет никаких предубеждений по поводу того, следует ли использовать крайние методы "борьбы" за реализацию своих идей. Если подобные методы кажутся им технически реализуемыми, они с готовностью их применяют. Несомненно, значительные миграционные потоки в страны современной Европы принесли с собой и "пятую колонну", состоящую из граждан самих европейских государств, которые вместе с тем готовы "работать" объективно против этих государств.

Группа "разрушителей поневоле" может состоять, предположительно, из "модернизаторов" и "социализаторов", нередко переоценивающих свои силы в управлении массовыми общественными процессами в ходе инициированной по их "стандартам" общественной "перестройки" внутри прежде относительно стабильных социальных организмов. Запуская, например, процессы демократизации или рыночной экономики в странах, мягко говоря, авторитарного патриархального уклада (таких как некоторые европейские страны бывшего социалистического лагеря), эти агенты геополитики не задумываются о всей полноте последствий, к которым может привести "демократизация" или "рыночная экономика" в том варианте, в котором она доступна странам с почвой, совершенно неподготовленной для этих серьезный социокультурных сдвигов. В частности, в США в свое время получили государственную поддержку различные проекты "модернизации" российской (и в целом – постсоветской)

экономики – например, переход к рынку за 500 дней; "шоковая терапия" рыночных реформ и т.п. Абсолютная психологическая и социальная неподготовленность населения к реализации этих проектов привела к варварской приватизации накопленного общественного богатства и печально знаменитому "русскому кресту" (преобладание показателя смертности над показателем рождаемости в масштабах государства).

Статистика – наука в патриархальных странах политкорректная, поэтому бодрые рапорты о "переломе" данной тенденции следует соотносить (даже при высокой степени доверия к их достоверности) с реальным положением дел на местах. В России за последнее десятилетие наблюдается, как минимум, тенденция *обезлюживания* значительного числа регионов, и так заселенных крайне слабо и неравномерно. Сюда, в первую очередь, относятся Дальний Восток, Забайкалье и другие местности. Примечательно, например, что под предлогом форс-мажорной стройки объектов к саммиту АТЭС 2012 г. на территорию Приморья было ввезено заметное количество рабочих-мигрантов из республик Средней Азии, чье проживание здесь никогда прежде не было ни многочисленным, ни постоянным. Как следствие, брошенные дома "аборигенов" пригородов Владивостока сегодня заполнены приезжими, которые активно включаются в жизнь региона. Налицо их готовность выполнять тяжелые и непрестижные работы, однако в процессе их выполнения (в частности, строительно-монтажных работ на упомянутых объектах саммита) проявляется крайне низкий уровень квалификации и добросовестности. Наряду с этим, "новые приморцы" ставят вопрос о строительстве масштабных культовых сооружений[6], так как обычные молельные дома во время мусульманских праздников не могут вместить всех желающих. Этих людей можно понять: они привыкли жить с молитвой. Перевозя их на новое место жительства, можно было на основании логики предположить, что такие культовые сооружения будут им жизненно необходимы. Вместе с культовыми сооружениями придет культура и политика, соответствующая желанию закрепиться на новой территории и – в перспективе – стать здесь доминирующей силой. Ни о каком "гражданине мира" речи при этом идти не будет, – и это тоже подсказывает элементарная логика. А вот последует ли за этим "десуверенизация" России как следствие "суверенизации" отдельной ее территории – это еще вопрос, с котором можно и нужно грамотно работать соответствующим компетентным структурам.

Мигранты своей сплоченностью – национально-культурной и религиозной консолидацией, выливающейся в определенные формы социально координированного поведения, демографическим поведением и прочим, способны организовать ядро протосуверенитета в любой стране [Хайрутдинов 2013]. Сербия, да и вообще Балканские государства, от этого фактически избавлены. За одним исключением. Это, опять же, "феномен Косово", где активный приток албанцев сделал такую "прививку" косовским мусульманам, что сербские деревни и поля оказались за колючей проволокой.

Зато Балканы в целом не избавлены от таких последствий непродуманной социальной модернизации, как стремление к легализованному и/или криминальному воровству со стороны недобросовестных членов управленческих

[6] Мечети во Владивостоке будут строить общинами. 2011. – *Islam news*, 09.12. Доступ: http://www.islamnews.ru/news-102291.html (проверено 20.08.2013).

и иных структур, коррупции, утраты национальной идентичности под влиянием "цивилизаторских" масс-медийных проектов (по типу "Полицейской академии", где подрастающему поколению Сербии рисуют идеал "американского героя" – взамен идеала героя сербского, который как минимум на несколько столетий старше своего "американского собрата"). С медийными "цивилизационными атаками" на вытеснение национальных ценностей и "замену" их некими "атлантическими суррогатами" напрямую связано разрушение культурного наследия страны – от поддержания в должном состоянии ее памятников до стратегий разрушения национальной системы образования как якобы "слишком консервативной" и "одиозной" по отношению к "продвинутым" моделям, принятым в ЕС и США. Не обошла стороной этот регион (в частности, Сербию) и трагедия "исхода" народа за рубеж: сербская эмиграция в процентном отношении к населению страны в 1990-е годы была сопоставима разве что с эмиграцией из России... При этом "горящие окраины" России (Северный Кавказ, особенно Дагестан) и Татарстан имеют шанс повторить судьбу республик бывшей Югославии, получая поддержку от сил, выступающих за идеи сепаратизма из-за рубежа и внутри страны. Так, по данным группы М.В. Ремизова, ваххабитских организаций, пропагандирующих идеи салафии и халифата, на территории РФ нет только на Чукотке[7].

Таким образом, идея сценария, разыгрываемого на Балканах и готовящего части евразийского пространства удел отсталой окраины, потребляющей суррогатную продукцию Запада (при демонтаже собственного производства и связанном с этим последовательном снижении и демонтаже военно-оборонительного потенциала), при ближайшем рассмотрении не кажется столь фантастичной, как это происходит поначалу. Другое дело, что реальное противодействие описанным явлениям предполагает не только наличие политической воли, но и владение определенными материальными рычагами, способствующими реализации "возможности поворота" к сохранению национального суверенитета.

В самом деле, развал СФРЮ привел не только к кровавым войнам и образованию самостоятельных государств. Скорее, здесь "запустился" (или "запущен") процесс "ядерного полураспада". Десуверенизация СФРЮ привела вначале к "суверенизации" Боснии, Македонии, Сербии, Герцеговины, Черногории; затем сами эти страны стали распадаться на еще более мелкие территориальные образования (суверенитет, признанный официально структурами ООН, получило пока только Косово). Однако на очереди – проект "Великой Албании", и стратификация македонского населения (включая распад единства македонской православной церкви и наличие отдельных "национальных" школ с различными учебниками, в частности, по истории региона) показывает векторы дальнейшего дробления, а затем, возможно, и укрупнения геополитических единиц, переходящих из состояния "десуверенизации" к активному поиску суверенитетов "нового формата" – например, пресловутого "европейского федерализма" [Бирюков 2013: 5]. Одним из конкретных шагов в направлении последнего стало создание в 2013 г. автономной системы безопасности ЕС.

[7] Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. 2013. – *Независимая газета*, 04.06. Доступ: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/9_map.html (проверено 20.08.2013).

Другая интерпретация происходящего в масштабах Евразии процесса связана с выяснением *объективных* предпосылок десуверенизации и разложения Вестфальской системы международных отношений, действующих суверенитетов и соответствующих им стратегий национальной безопасности.

К таким предпосылкам, безусловно, относятся общественные изменения, индуцированные развитием науки и техники, – и прежде всего, развитие средств массовой коммуникации – транспорта и связи. Научно-техническая и информационная революция обеспечили радикальное изменение скоростных возможностей и объемов коммуникационного процесса, что не могло не сказаться на действительном изменении организации существующих социальных сообществ по сценарию большей приспособляемости к новым образцам взаимодействия. В определенном смысле глобализация сегодня – это не столько "дитя" рыночных отношений (мировой рынок был и до стремительного всплеска глобализации в середине XX в.), сколько – "продукт" новых технологий, и прежде всего – информационных.

Объединение человечества в супермакросистему с более тесными, чем прежде, связями, на сей раз происходит не под знаменами религиозными (как во времена христианизации или исламизации мира) или коммерческими и территориальными, прикрытыми религиозными (как во времена Великих географических открытий).

Нынешняя глобализация "стягивает шарик", создавая новые геополитические ландшафты на основе значительно более разнородных факторов "сцепления". Для удобства их иногда, по старой привычке, обозначают как "идеологические" или "религиозные" (что в свое время сделал С. Хантингтон [Хантингтон 2003: 415-472; Хантингтон 2008: 35-65]); однако более корректной формулировкой, с нашей точки зрения, является "социокультурная идентичность" [Силантьева 2011:19-23], связанная с *социокультурными идентификаторами нового поколения*.

Современное состояние "постсуверенизации" характеризуется, как уже упоминалось, сменой "набора" факторов национально-культурной идентификации, "привязывающей" субъекта к определенному государству в рамках его социального [Бурдье 1999: 125-166] и политического пространства [Силантьева 2013: 78-82]. В частности, речь идет:

1) о "выходе" национально-культурной идентификации "за границы" государственных образований (феномен "Русского Зарубежья" как полноценного представителя русской культуры, – никак не позиционирующего себя, однако, в качестве "продолжения" российской государственности);

2) о массированном появлении новых культурно-идентификационных программ "внутри" сложившихся и относительно устойчивых государственных организмов ("анклавные" территориально-культурные образования мигрантов на территории мегаполисов [Силантьева 2010: 115-120; ср.: Глаголев 2010: 74-79] и сельской местности, растущие, как грибы, на всем пространстве Евразии, включая Россию и ЕС).

При этом такие факторы, как территориальное единство, единство исторической судьбы, этнические связи, типы религиозности, общность ценностей и наличие политической воли для поддержания целостности государственного социально-политического организма в процессе формирования

"новой идентичности" заметным образом отодвигаются на второй план по отношению к так наз. *культурным интеграторам*, несущим в себе, помимо наработанных данной культурой "исторических отношений со смыслом" еще и "некий икс", не поддающийся сегодня однозначной расшифровке и классификации. Полагаю, что для политологии возможность работать с понятием "социокультурная идентификация" как с неким "черным ящиком" не будет вредна, поскольку для построения объемной теоретической модели данного феномена научное сообщество явно не созрело, но игнорировать его наличие в меняющейся социальной реальности больше не представляется возможным.

Одной из "точек приложения" методологии "черного ящика" может служить его применение для анализа явлений, связанных с "теорией гибели национальных государств", рассмотренной с точки зрения фактического положения дел в социальной реальности.

Итак, попытаемся, наконец, проследить основные контуры современной интерпретации понятия *"национальное государство"* [Ремизов 2009], что позволит выяснить динамику перспективы его "гибели", заявленной еще Э. Тоффлером и Ф. Фукуямой (напомним, однако, что идея "конца истории" принадлежит Гегелю и активно эксплуатировалась марксизмом).

Как известно, классические "пять признаков государства" предполагают: единство территории; специфику ее населения (включая порядок приобретения гражданства); публичную власть (верховенство государственной власти по отношению к другим видам власти, имеющимся на территории данного государства, с допустимым применением насилия со стороны государства); наличие публичного права, регулирующего нормы осуществления государственных полномочий; наличие суверенитета, т.е. независимость госвласти внутри страны и на международной арене (последнее при ненарушении суверенитета других государств).

Суверенитет, таким образом, лишь один из признаков "классической" новоевропейской государственности. Сегодня повышенное внимание к нему по сравнению с остальными признаками обусловлено систематической деструкцией этого фактора в связи с давлением "сильных" на "слабых". По сути, системное нарушение суверенитета сегодня, в свете феноменов Косово, Абхазии и Южной Осетии, становится на наших глазах нормой международных отношений. Нельзя сказать, что прежде такого не случалось. Все политические и военные конфликты так или иначе предполагали вторжение в "приватное" политическое пространство единого государственного организма других государств и, таким образом, фактическое нарушение суверенитета под теми или иными – благими или нет – предлогами. Однако в наши дни характерной чертой становится именно *нормативность* подобных "вторжений", закрепленная в документах международных организаций и мотивированная стремлением избежать "преступлений против человечности" на тех территориях, где сепаратистские конфликты получили степень военного противостояния.

С этой точки зрения, действительно, в международно-правовое пространство входит новое понимание государственного суверенитета как "включенного" в более широкий контекст международно-правовых договоренностей, обладающих, таким образом, фактическим приоритетом по отношению к нему.

Образцом для такой "переоценки ценностей" послужила идея демократии как наиболее рационального государственного устройства, распространение

которого (обеспеченное военной мощью развитых держав) рассматривается как желательное и безусловно положительное явление. Вместе с тем, ни для кого не секрет, что страны, "неготовые" к демократии, не способны перенять реальные механизмы функционирования данного политического устройства, – активно вырабатывая имитационные формы (голосование, где голоса избирателей подтасовываются; "обратная связь" госчиновников с народом, на деле дающая лишь пищу коррупции и т.д.). Строго говоря, если свести классическую государственность к единственному "зрелому образцу" – "атлантической" (США и ЕС) демократии, то большинство формально суверенных государств окажутся к ней совершенно не готовы (пример – та же ЮАР после отмены апартеида). Выдвинутая в противовес "атлантической версии" идея "суверенной демократии", в свое время давшая повод острословам называть ее "недемократическая демократия", фактически стремится снабдить американскую модель государственно-политического устройства "дополнениями" в виде "национально-культурных особенностей". Однако на практическом уровне подобная попытка упирается в тот же "казус Винни Мандела": насколько подходят для реализации "суверенной демократии" те или иные культурные особенности? Не получится ли, что сын правителя суверенной страны[8], осваивая демократические ценности в европейском университете, реализует свои национально-культурные особенности, поедая парижских этуалей после интимной близости с ними?

В этой связи вновь встает вопрос о границах, с которых и был начат разговор о специфике "постсуверенизации" на территории Евразии. Нельзя не согласиться с той точкой зрения, что дальнейшие исследования в области политологии в этом направлении должны "шире опираться" на данные этнографии, социальной и этнопсихологии, а также культурологии, интегрирующей эти данные и стремящейся теоретически их осмыслить путем раскрытия сути социального процесса сквозь призму развития культуры, сравнения исторических данных и – в перспективе – "создания жизнеспособных теоретических моделей" (Т.А. Алексеева), отражающих основные тенденции развития общества во взаимосвязи сложных флуктуаций, сопровождающих динамику социального объединения и социального дистанцирования. Которая, в конечном счете, и определяет сегодня топологию "постсуверенного" пространства на просторах Евразии, ставя под вопрос выживание "национальных государств" как "классического" для этих мест типа социальной организации; и вместе с тем демонстрируя, что, вопреки видимости, их развитие пока не прошло "точку возврата".

Алексеева Т. 2008. Насилие и демократия в политике США. – *Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики*. Т. 6, № 2, с. 36-47. Доступ: http://www.intertrends.ru/seventeenth/004.htm (проверено 24.03.2014).

Алексеева Т. 2012. Химеры страны Оз: "культурный поворот" в теории международных отношений. – *Международные процессы. Журнал теории международных*

[8] Речь идет, прежде всего, о нашумевших историях с императором Центральноафриканской республики Жаном Биделем Бокассой и его сыном Антуаном: *Людоедство как национальный бренд*. Доступ: http://masterok.livejournal.com/1469759.html (проверено: 06.04.2014).

отношений и мировой политики. Теория в условиях неопределенности. Т. 10, № 3 (30-31), с. 4-19. Доступ: http://www.intertrends.ru/thirtieth/ Alekseeva.pdf (проверено 24.03.2014).

Багдасарян В.Э. 2013. Финансово-экономическая десуверенизация России. – *Военное обозрение.* Доступ: http://topwar.ru/30246-finansovo-ekonomicheskaya-desuverenizaciya-rossii.html (проверено 25.10.2013).

Белова К.А. 2004. *Особенности развития сепаратизма в Испании (на примере Страны Басков, Каталонии и Галисии)*: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М. 213 с.

Бирюков С. 2013. Вперед к федерализму, или в поиске рецептов против европейского кризиса. Европейский союз. – *АПН.* Доступ: http://www.apn.ru/publications/article28127.htm (проверено 20.08.2013).

Бочкова М.С. 2011. *Суверенитет в условиях политических трансформаций.* Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М. 217 с. Доступ: http://www.dissercat.com/ content/ suverenitet-v-usloviyakh-politicheskikh-transformatsii (проверено 25.10.2013).

Бурдье П. 1999. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. – *Поэтика и политика.* М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, с. 125-166. Доступ: http://bourdieu.name/content/duh-gosudarstva-genezis (проверено 20.08.2013).

Глаголев В.С. 2010. Особенности трансляции учебной информации в вузах российской провинции и американской "глубинки" (компаративные аспекты). – *Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе*. Челябинск: Энциклопедия, с. 74-79.

Данилевский Н.Я. 2002. *Россия и Европа.* М.: ИЦ "Древнее и современное", 550 с.

Кокошин А.А. 2003. *О явлениях и тенденциях, изменяющих характер международных отношений в первом десятилетии XXI века. Оценки, размышления, рекомендации.* М.: ИПМБ РАН, 30 с.

Ламсден Ч., Гушурст А. 1991. Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении. – *Человек*, № 3, с. 23-34.

Ремизов М. 2008. Коррупция суверенитета. – *Новые хроники*. Доступ: http://novchronic.ru/1561.htm (проверено 20.08.2013).

Ремизов М. 2009. Десуверенизация – регресс европейской цивилизации. – *Русский журнал*. Доступ: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Desuverenizaciya-regress-evropejskoj-civilizacii (проверено 20.08.2013).

Силантьева М.В. 2010. Аксиологические возможности межкультурной коммуникации. – *Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе*. Челябинск: Энциклопедия, с. 115-120.

Силантьева М.В. 2011. Современная гражданская идентичность в пространстве российской культуры. – *Право и управление: 21 век*, № 4 (21), с. 19-23.

Силантьева М.В. 2012а. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности. – *Вестник МГИМО-Университета*, № 2, с. 173-179.

Силантьева М.В. 2012б. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов. – *Вестник МГИМО-Университета*, № 6, с. 203-206.

Силантьева М.В. 2013. Этнокультуры как элемент нестабильных социокультурных систем. – *Социально-экономическое развитие народов Урал-Поволжья*. Уфа: БГУ, с. 78-82.

Современные международные отношения (под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина). М.: Аспект-Пресс, 2012, 688 с.

Терещенков А. 2008. Региональные и сепаратистские движения в странах Северной Европы. Кельтский бунт? – *АПН.* Доступ: http://www.apn.ru/publications/article19821.htm (проверено 20.08.2013).

Фаллачи О. 2013. Война цивилизаций. – *Сила разума Орианы Фаллачи*. Доступ: http://www.sem40.ru/index.php?newsid=238256 (проверено 18.08.2013).

Хайрутдинов А. 2013. Исламское будущее для Западной Европы. – *Islam today*. Доступ: http://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/islamskoe_budushhee_dlya_zapadnoj_evropy/ (проверено 19.08.2013).

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 603 с.

Хантингтон С. 2008. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ. 637 с.

Харкевич М.В. 2012. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление. – *Полис. Политические исследования*, № 5 (131), с. 122-129.

Хенкин С.М. 2013. *Мусульмане в Испании: Метаморфозы исторического бытия*. – Новая и новейшая история, № 4, июль-август. Доступ: http://www.mgimo.ru/files/240982/muslims_spain.pdf (проверено 22.08.2013).

References

Lumsden Ch.J., Wilson E.O. 1981. *Genes, Mind and Culture: the Coevolutionary Process*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 428 p.

Видоевич З. 2013. Глобализације, државни и лични суверенитет. *Међународна научна Конференција "Глобализација и десуверенизација". Зборник резимеа. (Издавачи: Српски социолошко друштво, Београд; Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица; Институт за упредно право, Београд)*. Београд – Косовска Митровица, с. 23-26. (серб.).

Чирич Й. 2013. Право и глобализација. *Међународна научна Конференција "Глобализација и десуверенизација". Зборник резимеа. – (Издавачи: Српски социолошко друштво, Београд; Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица; Институт за упредно право, Београд)*, Београд – Косовска Митровица, с. 164-167. (серб.).

Матијвич М. 2013. Антидискриминациони прописи у примени на Косову након 1999 године, интерно расељена лица и мечународни стандари у области заштите од дискриминације. *Међународна научна Конференција "Глобализација и десуверенизација". Зборник резимеа. (Издавачи: Српски социолошко друштво, Београд; Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица; Институт за упредно право, Београд)*, Београд– Косовска Митровица, с. 92-94 (серб.).

Митрович Л., 2013. Глобализација – детериторијализација суверенитета и културни идентитети. *Међународна научна Конференција "Глобализација и десуверенизација". Зборник резимеа. (Издавачи: Српски социолошко друштво, Београд; Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица; Институт за упредно право, Београд)*, Београд – Косовска Митровица, с. 109-110 (серб.).

Alekseeva T. Violence and Democracy in U.S. Policy. – *International Trendes. Journal of International Relations Theory and World Politics*, 2008, vol. 6, no. 2, pp. 36-47. (In Russ.) URL: http://www.intertrends.ru/seventeenth/004.htm (accessed 24.03.2014).

Alekseeva T. Chimera Oz "Cultural Turn" in International Relations Theory. – *International trendes. Journal of International Relations Theory and World Politics*, vol. 10, 2012, no. 3 (30-31), pp. 4-19. (In Russ.) URL: http://www.intertrends.ru/thirtieth/Alekseeva.pdf (accessed 24.03.2014).

Bagdasaryan V.A. Financial and Economic Desovereignization of Russia. – *Voennoye Obozreniye*, 2013. (In Russ.) URL: http://topwar.ru/30246-finansovo-ekonomicheskaya-desuverenizac, iya-rossii.html (accessed 25.10.2013).

Belova K.A. *Features of Development of Separatism in Spain (the case of Basque Country, Catalonia and Galicia)*: Dis. ... kand. hist. science: 07.00.03, Moscow, 2004, 213 p. (In Russ.)

Birukov S. Towards to Federalism, or in Search of Solutions for the European Crisis. The European Union. – *APN*. (In Russ.) URL: http://www.apn.ru/publications/article28127.htm (accessed 20.08. 2013).

Bochkova M.S. *Sovereignty in Terms of Political Transformations.* Dis. ... kand. polit. science: 23.00.02, Moscow. 217 p. (In Russ.) URL: http://www.dissercat.com/content/suverenitet-v-usloviyakh-politicheskikh-transformatsii (accessed 25.10.2013).

Bourdieu P. *Esprits d'Etat. Genèse et Structure du Champ Bureaucratique*. (Russian version). Moscow, Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg: Aletheia, pp. 125-166. URL: http://bourdieu.name/content/duh-gosudarstva-genezis (accessed 20.08.2013)].

Glagolev V.S. *Osobennosti translyatsii uchebnoy informatsii v vuzakh rossiyskoy provintsii i amerikanskoy "glubinki" (komparativnyye aspekty)* [Features Broadcast Educational Information in the Russian Province Universities and American "Heartland" (Comparative Aspects)]. – Provintsialnyy megapolis v sovremennom informatsionnom obshchestve [Provincial Megalopolis In The Modern Information Society]. Chelyabinsk, 2010, pp. 74-79.

Danilevsky N.J. *Russia and Europe*. Moscow, Drevnee i sovremennoye Publ., 2002, 550 p.

Kokoshin A.A. *O yavleniyakh i tendentsiyakh, izmenyayushchikh kharakter mezhdunarodnykh otnosheniy v pervom desyatiletii KHKHI veka. Otsenki, razmyshleniya, rekomendatsii* [About Events and Trends that Change the Nature of International Relations in the First Decade of the Twenty-First Century. Evaluation, Reflection, Recommendations]. Moscow: Russian Academy of Sciences IPMB, 2003, 30 p.

Lumsden C., Gushurst A. Cultural Gene Coevolution: the Human Race in the Formation. – *Chelovek*, no. 3, 1991, pp. 23-34. (In Russ.)

Remizov M. Corruption Sovereignty. – *Novie chroniki*, 2008. (In Russ.) URL: http://novchronic.ru/1561.htm (accessed 20.08.2013).

Remizov M. Sovereignization – Regression of European Civilization. – *Russian Journal*, 2009. (In Russ.) URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Desuverenizaciya-regress-evropejskoj-civilizacii (accessed 20.08.2013).

Silantieva M.V. Aksiologicheskiye vozmozhnosti mezhkulturnoy kommunikatsii [Axiological Possibilities of Intercultural Communication]. – *Provintsialnyy megapolis v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Provincial Megapolis In The Modern Information Society]. Chelyabinsk, 2010, pp. 115-120.

Silantieva M.V. Modern Civil Identity In The Space Of Russian Culture. – *Pravo i Upravleniye: 21 vek*, no. 4 (21), 2011, pp. 19-23.

Silantieva M.V. Diffuse Identity – a Modern Version of Civic Identity. – *Vestnik MGIMO-University*, 2012 a, no. 2, pp. 173-179. (In Russ.)

Silantieva M.V. Metamorphosis Social Organisms in the Light of Transformation and Cultural Boundaries: Global Consequences of Modernization Processes. – *Vestnik MGIMO-University*, no. 6, 2012 b, pp. 203-206. (In Russ.)

Silantieva M.V. Etnokultury kak element nestabilnykh sotsiokulturnykh sistem [Ethnic Culture As An Element Of The Unstable Socio-Cultural Systems]. – *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye narodov Ural-Povolzhya* [Socio-economic Development of the Peoples of the Ural-Volga region]. Ufa, Ufa State University Pub., 2013, pp. 78-82.

Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya (pod red. A.V. Torkunov, A.V. Malgin). [Contemporary International Relations (ed. A.V. Torkunov, A.V. Malgin)]. Moscow, 2012, 688 p.

Tereshchenkov A. Regional and Separatist Movements in the Nordic Countries. Celtic Rebellion? – *APN*, 2008. (In Russ.) URL: http://www.apn.ru/publications/article19821.htm (accessed 20.08.2013).

Fallaci O. *A War of Civilizations. The 1st Chapter of the Book "Mind Power" Oriana Fallaci*, 2013. (In Russ.) URL: http://www.sem40.ru/index.php?newsid=238256 (accessed 18.08.2013).

Khairutdinov I. Islamic Future for Western Europe. – *Islam today*, 2013. (In Russ.) URL: http://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/islamskoe_budushhee_dlya_zapadnoj_evropy/ (accessed 19.08.2013).

Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order*. (Russian version). Moscow, AST. 2003. 603 p.

Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. (Russian version). Moscow, AST. 2008. 637 p.

Kharkevich M.V. Political Strengthening of the State through its Ontological Weakening. – *Polis. Political Studies*, 2012, no. 5 (131), pp.122-129. (In Russ.)

Henkin S.M. Muslims in Spain: Metamorphosis Historical Existence. – *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2013, no. 4. (In Russ.) URL: http://www.mgimo.ru/files/240982/muslims_spain.pdf (accessed 22.08.2013).

DOI: 10.17976/jpps/2014.03.02

NEW PRINCIPLES OF THE "PHILOSOPHY OF FRONTIER" IN THE GLOBAL WORLD: DE-SOVEREIGNIZATION OR "POST-SOVEREIGNIZATION?"

M.V. SILANTYEVA

Abstract. The article analyzes the new principles of the "philosophy of frontier" – e.g. reflexive exploration (intensified by the level of social consciousness) of anthropological, socio-political, and socio-cultural changes that are characteristic of the Modernity and are revealed by different versions of "post-history" concepts. In this sense, such conceptions as theories of the "death of the nation-state," of "zones of problematic statehood," of "de-sovereignization," of the "golden billion," etc., constitute one rank of concepts, which are subjects to detailed examination at a new – "global," "social" format, considering its main trends and prospects. The article is an expanded version of a paper given by the author at the "Globalization and De-Sovereignization" international conference (Kosovska Mitrovica, September 2013).

Keywords: globalization, de-sovereignization, post-history, post-sovereignization, philosophy of frontiers, political processes.

SILANTYEVA Margarita Veniaminovna, Dr. Sci. (Philos.), professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia, Moscow. Email: silvari@mail.ru